

УДК 004.55. 81.42

ББК 81

Шехтман Николай Абрамович

доктор филологических наук,

профессор

кафедра иностранных языков

Оренбургский государственный педагогический университет

г. Оренбург

Shekhtman Nikolay Abramovich

Doctor of Philology,

Professor

Chair of Foreign Languages

Orenburg State Pedagogical University

Orenburg

Nick@OSPU.ru

Семантическая напряженность текста и его понимание

Semantic tension of text and its understanding

В статье обсуждаются факторы, создающие семантическую напряженность текста, и механизмы, с помощью которых она нейтрализуется, способствуя взаимопониманию адресанта и адресата сообщения.

The article deals with factors leading to the tension of texts as a phenomenon that provides their novelty. Certain mechanisms due to which the novelty is embedded into the framework of the addressee's knowledge are discussed.

Ключевые слова: семантическая напряженность текста, коммуницируемость знаний, гипертекст.

Key words: semantic tension of text, knowledge conversability, hypertext.

Одной из наиболее прагматически значимых, но мало изученных характеристик текста является его напряженность, т.е. «степень его смысловой и содержательной новизны для читателя» [1, 231]. С точки зрения Остринской Н.Н., напряженность текста создается различными средствами, обеспечивающими эмотивно-экспрессивную оставляющую текста [4, 330]. Мы будем исходить из того, что обсуждаемая особенность текста является результатом пропуска смысловых звеньев. Это затрудняет понимание текста как реконструкцию его смысла, без чего ориентация индивидуума в окружающей действительности невозможна. Конструктивность напряженности состоит в том, что она представляет собой источник новой информации. Но если она остается не воспринятой адресатом, и он не может сделать ее доступной для другого, она

становится деструктивной: таковы тексты узких специалистов в руках лиц, не причастных к этой специальности. То, что само собой разумеется для одного реципиента, например, алгебраиста, требует пояснений для геометра – ситуация, обозначенная древними максимой *verbum satis sapienti est* (enough said, the hearer can fill in the rest,). Следовательно, напряженность – категория субъективная, обусловленная сложностями, возникающими при восприятии содержания текста разными реципиентами, которые различаются фоновыми знаниями, социально-психологическими установками, ценностными ориентациями. Коммуниканты должны обладать предварительными сходными знаниями об объекте осмысления.

Задача усложняется, если иметь в виду, что «Никто не понимает слово в точности так, как другой, и это различие, пускай самое малое, пробегает как круг по воде, через всю толщу языка. Всякое понимание поэтому всегда есть и непонимание, всякое согласие в мыслях и чувствах – вместе и расхождение» [2, 84]. Отсюда поливариантность понимания текста: вопрос «Что вы делаете?» может быть понят либо как запрос информации, либо как неодобрение чьих-либо действий. Особенно этот тезис актуален для художественного текста. С другой стороны, научные тексты, технические инструкции, математические объяснения исключают возможность двоякого толкования, их содержание сводится к последовательности значений лексических единиц. Однако для неподготовленного читателя именно такие тексты оказываются наименее доступными.

К факторам, повышающим напряженность текста, в первую очередь относятся:

1. *Обилие специальной терминологии*: When an amplitude-modulated broadcast transmitter during a moment when no music or speech is being broadcast, the antenna sends out its radio signal at a constant intensity or amplitude [6, 39].

В эту рубрику отнесем и *употребление окказионализмов*: She's lived half her life in diplomatic society, in half the capitals of the world, she's remained hope-

lessly American (Maugham). Значения «провинциальный» у выделенного слова не зафиксировано ни в одном словаре.

2. *Наличие неявных смыслов*: кроме идентификации языковых значений в смысле высказывания присутствуют выводные, не вербализованные адресантом знания, которые находятся над языковой системой, в области интуиции читателя, и требуют от адресата напряженной интеллектуальной работы для получения семантического вывода. Индуцируемые знания восстанавливаются адресатом на основании своего опыта и соотнесения данного фрагмента текста со всеми предшествующими. Отсюда противопоставление импликаций и инференций. Импликации – это то, что имеет в виду адресант, инференции – это мыслительная деятельность адресата, когнитивная операция, в ходе которой, опираясь на непосредственно содержащиеся в тексте сведения, читатель выходит за пределы буквального значения единиц и обретает способность разглядеть за рассматриваемой языковой формой больше содержания, чем зафиксировано ее отдельными частями [3, 411]. Мы судим о том, чего нет, по тому, что фактически представлено в тексте. Выводные знания субъективны: каждый реципиент соотносит прочитанное или услышанное с тем, что он читал или слышал ранее, что является сугубо индивидуальным – у каждого свои прочитанные ранее книги, интеллектуальный кругозор [8, 273]. Информационная новизна и содержательная насыщенность текста обогащаются благодаря инференции, которая обнаруживает приращение смысла не за счет зрительных или слуховых систем, а в ходе мыслительной деятельности. Выводные знания делают описание более экономным: оно охватывает большее число фактов с тем же самым числом принципов и правил. Лакуны, цитирование (обращение к прошлому), редкая лексика (отсутствует в частотных словарях) повышают порог, необходимый для интеллектуального восприятия напряженного текста.

3. *Референтная неоднозначность лексических единиц*, которая снимается их семантической совместимостью, т.е. способностью ограничивать свое контекстуальное окружение, при котором значение **A** предполагает значение **B**:

Well, let us put it that there are *rules of the game* which must be observed if society is to function at all (J. Galsworthy). И с другой стороны: Only a *hunter's* instinct led him to where the *game* were thickest (Priestley J.B.). Существительное *game* в одном контексте со словом *hunter* означает «animals hunted for sport or food», тогда как в одном ряду со словом *rules* оно значит «sport, fun».

4. *Вкрапления на иностранных языках*: His career as a Catholic was in fact no less successful than the career as an *homme du monde* (Maugham). Автор ограничивает круг своих читателей, употребляя «*homme de monde*» вместо общепринятого в английском языке «*man of the world*», тем самым демонстрируется оппозиция «свои» :: «чужие». Адресат сознательно выделяет субъектов своего окружения. По мысли Ю.С. Степанова, «это противопоставление в разных видах пронизывает всю культуру и является концептом всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [5, 126].

Содержательная доступность – это результат коммуницируемости знаний. Вербальное знание выражено в лингвистических единицах, невербальные знания представлены в виде образов, чувственного опыта, графиков, схем, формул и т.п. Обыденное знание опирается на здравый смысл, научное знание характеризуется доказательностью, эмпирической верификацией. Переход от незнания к знанию возможен в условиях нейтрализации напряженности текста, которая предполагает перевод одного рода знаний в другие.

К перечисленным факторам, которые делают текст напряженным, можно добавить *насыщенность текста собственными именами и сокращениями*.

Понимание обеспечивается свойственным адресанту осознанным стремлением целенаправленно управлять восприятием адресата с целью сузить или устранить границы непонимания. Неравенство знаний адресанта и адресата о внешнем мире нейтрализуется с помощью конверсационных правил вербализации этих знаний. Если этого не происходит, возникает напряженный текст. Такова первая фраза повести Саши Соколова «Между собакой и волком», призванная обозначить дату описываемых событий: «Месяц ясен, за числами не

уследишь, год нынешний». Сформулированная таким образом дата является носителем информации прагматического, но не фактуально-денотативного характера. Напряженность текста повышается благодаря обилию пустых знаков, т.е. знаков, в которых трудно установить связи означающего с действительностью. Сбалансированное взаимодействие тезаурусных и логических выводных знаний облегчает проспективность контекстуальной догадки: читатель руководствуется стандартным способом обозначения дат – месяц, число, год – и ассоциативными связями лексических единиц (в данном случае связь с известной песенкой «Светит месяц, светит ясный»). Напряженный текст рассчитан на активного читателя, его сотворчество в постижении смысла.

Стремление целенаправленно управлять восприятием адресата обеспечивается применением дискурсивных практик интерпретации, к которым относятся внутриязыковой перевод, детализация изложения, отсылка к гипертекстам:

А) Внутриязыковой перевод: Вот как это иллюстрирует Р. Якобсон:

"Вообразим такой восхитительный диалог:

—Софомора *завалили*.

—А что такое *завалили*?

—*Завалили* — это то же самое, что засыпали.

—А *засыпали*?

—*Засыпаться* – это значит не сдать экзамен.

—А что такое *софомор* ? — настаивает собеседник, не знакомый со студенческим жаргоном.

—*Софомор* значит второкурсник.

Все эти предложения, устанавливающие тождество высказываний, несут информацию лишь о лексическом коде английского языка, но функция является строго метаязыковой [9, 195].

Семантическое тождество определяемого имени (дефиниендума) и его определения (дефиниенса), раскрывающего смысл определяемого, обеспечивает их взаимозаменяемость, не сопровождаемую тождеством поверхностных

структур. Так удовлетворяется потребность в пояснениях этих структур для широкой аудитории пользователей. Их интерпретация с помощью метаязыка призвана облегчить взаимопонимание. Поэтому в качестве метаязыковых единиц используются общеизвестные и самые частотные лексические единицы, о которых известно, что 500 самых частотных слов языка имеют 10 000 лексических значений.

Б) Детализация изложения: чем детальнее наши знания о мире, тем ниже напряженность текста и тем выше степень понимания текста, повествующего об этом мире. Чем больше деталей, тем понятнее текст: «I have survived it and shall put it behind me? And not talk nor think about it? Ever again, because I am alive. I can feel, touch, see, hear, smell, look after myself, discharge from hospital, find a taxi and get myself home» (Pilcher R.).

Но самым эффективным инструментом снятия напряженности текста является

В) Гипертекст: некоторый **нелинейно** организованный объем политематической информации, интегрирующей информационные ресурсы, между которыми могут быть установлены перекрестные ссылки [7, 87].

В ГТ устанавливаются отношения и связи единиц исходного текста с единицами комментариев, а также между единицами самих комментариев. ГТ используется для одновременного представления знаний и параллельной обработки информации. В ГТ нет целостности, то, что в нем есть, обусловлено исторически, этнографически и иными подобными связями того, что есть в линейном тексте, с тем, чего в нем нет. Понимание текста — особенно инокультурного текста — требует комментария, т. е. способа согласовать тезаурус адресата и адресанта, степень дробности, детализация которого детерминирована расстоянием (как во времени, так и в пространстве) между адресантом и адресатом: чем больше расстояние, тем подробней и богаче должен быть комментарий, поскольку адресанту неизвестно, что знает, а чего не знает анонимный адресат, особенно если они принадлежат разным социаль-

ным, идеологическим и иным общностям. Цель комментария — сократить дистанцию между ними.

ГТ – это также инструмент измерения напряженности текста: чем больше в нем гипотекстов, тем, вероятно, напряженнее комментируемый текст.

Авторы текстов, адресанты могут быть расположены на разных точках шкалы в зависимости от желания и умения сделать содержание текста максимально доступным, а значит, наименее напряженным для адресата. Применительно к английской литературе речь может идти о Дж. Джойсе, с одной стороны, и Ч. Диккенсе – с другой.

Библиографический список

1. Валгина, Н.С. Теория текста [Текст] / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 173 с.
2. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
3. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
4. Остринская, Н.Н. Лексические средства создания эмоционально-экспрессивной напряженности художественного дискурса [Текст] // Человек. Язык. Культура / Н.Н. Остринская. – Киев, 2013. – Ч. 2. – С. 327–333.
5. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
6. Турук, Н.Ф. Пособие по переводу научно-технических текстов с английского языка на русский [Текст] / Турук Н.Ф., Стойкова В.Н. – М.: Высшая школа, 1975. – 176 с.
7. Шехтман, Н.А. Понимание речевого произведения и гипертекст [Текст] / Н.А. Шехтман. – М.: Высшая школа, 2009. – 160 с.
8. Шехтман, Н.А. Выводные знания как компонент смысловой структуры текста [Текст] // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности / Н.А. Шехтман. – Вып. 7. – Нижний Новгород, 2012. – С. 270–274.
9. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика [Текст] // Структурализм: «за» и «против» / Р. Якобсон. – М.: Прогресс, 1975. – С. 193 – 230.

Bibliography

1. Valgina, N.S. Theory of Text [Text] / N.S. Valgina. – M.: Logos, 2003. – 173 p.
2. Humboldt, W. Selected Works in Linguistics [Text] / W. Humboldt. – M.: Progress, 2000. – 400 p.
3. Kubryakova, Ye.S. Language and Knowledge. Along the Road of Getting Knowledge about Language: Parts of Speech from the Cognitive Point of View. The

Role of Language in Cognizing World [Text] / Ye.S. Kubryakova. – M.: Languages of Slavic Culture, 2004. – 560 p.

4. Ostrinskaya, N.N. Lexical Means of Creating Emotional and Expressive Tension of Artistic Discourse [Text] // *Man. Language. Culture* / N.N. Ostrinskaya. – Kiev, 2013. – Part II. – P. 327 – 333.

5. Stepanov, Yu.S. Constants. Dictionary of Russian Culture [Text] / Yu.S. Stepanov. – M.: Languages of Russian Culture, 1997. – 824 p.

6. Turuk, N.F. Manual on Translating Scientific and Technological Texts from English into Russian / Turuk N.F., Stoikova V.N. – M.: Vysšaya Škola, 1975. – 176 p.

7. Shekhtman, N.A. Text Understanding and Hypertext [Text] / N.A. Shekhtman. – M.: Vysšaya Škola, 2009. – 160 p.

8. Shekhtman, N.A. Inferential Knowledge as a Component of the Semantic Structure of Text [Text] // *Theoretical and Applied Aspects of Speech Studies* / N.A. Shekhtman. – No. 7. – Nizhny Novgorod, 2012. – P. 270 – 274.

9. Jakobson, R. Linguistics and Poetics [Text] // *Structuralism: Pros and Cons* / R. Jakobson. – M.: Progress, 1975. – P. 193 – 230.